

Е СЛИ БЫ лет пятнадцать назад кто-то сказал мне, что песни Галича станут книжкой, изданной в советском издательстве, я решила бы, что у моего собеседника не все в порядке с головой.

А теперь у меня в руках три книжки Александра Галича. Изящный маленький томик, изданный ЛП ВТПО «Киноцентр» в Ленинграде (прошу прощения за постыдный новояз, но расшифровать аббревиатуру не могу). Тираж триста тысяч — большой для сборника стихов. Цена на обложке — трешка. Но на Пушкинской площади я видела у альтернативных продавцов (принимаете такую формулировку вместо привычных «жучки» и «книжные спекулянты») эту книжку за десятку, а на Кузнецком мне любезно предложили ее же за двадцать пять рублей.

Это очаровательная книжка... Любуясь ею, листая ее, я думаю, что было бы, если бы она оказалась у меня в руках тогда, в другой, молодой жизни, пятнадцать или двадцать лет назад. Наверное, я не расставалась бы с нею, носила бы в кармане или в сумке, показывала бы верным друзьям...

А может быть... Может быть, я и отказалась бы от нее в той жизни. Помню, ясноглазый, открытый и приветливый юноша Юра Ф. в первый же день, как был принят на работу в нашу редакцию, подошел ко мне и сказал, что хочет дать мне почитать... И он перечислил несколько книг, сегодня всеми прочитанных, обруганных и воспетых, а тогда ходивших только в самиздате. «Спасибо, — холодно сказала я, — я читаю только книги, изданные в СССР». «Но почему?!» — спросил он почти с надрывом: очень ему хотелось вручить мне эти замечательные книжки. «Боюсь, — ответила я. — Боюсь, Юрочка. Станут меня спрашивать, кто мне их дал... А откуда же я знаю, как будут спрашивать? Вдруг не сумею не ответить?»

Мы при Юрочке трепались, конечно (он — откровеннее всех), и пели при нем, что хотели. Но брать из его рук запрещенные книжки... Он скоро ушел от нас в другую редакцию. А к нам, видимо, пришел кто-то неотличимый... Впрочем, это другая (другая?) тема.

Маленький том называется «Возвращение». Его составила Ирина Винокурова, консультировала Александра Архангельская (дочь Галича, Алена), оформил Эдуард Зарянский. А предисловие и послесловие написал Станислав Рассадин. Писал, наверное, задумчиво, весело, свободно. Даже кажется, что никто не диктовал ему объем, поэтому обе статьи живые, не скелет, а организм. У Рассадина есть возможность не спеша поразмышлять и о «простонародной, немстительной, прощающей жалостливости Галича», и о том, как на помощь его изысканной музе часто приходит муза-бродяжка, и о множестве обликотворений, которые «примерил и обносил на себе поэт», и о том, что переплощалося он «по законам прозы», а соперничал «по законам поэзии».

Как бывает в случаях, когда автор в тексте свободен, вдруг наткнешься на мысль, будто и не жестко здесь необходимо, но прелестную. И с радостью видишь, что прелестные мысли непременно сообщают и особую прелесть всему тексту. И догадываешься, что привычка к жесткой необходимости, видимо, испортила тебе не только жизнь, но и литературный вкус. И с удовольствием улыбаешься необязательному, понимая, что оно и есть признак свободы.

У Рассадина (в скобках): «с усилием дающееся освобождение бывает прекраснее и дороже даром доставшейся свободы...». Будто Рассадин вкушал доставшуюся даром свободу и может сравнить...

Но какая — вдумайтесь — до боли и до смеха родная, какая русская мысль... Мы так привыкли, что все нам дается с трудом, что научились находить в

этом радость и почитать это счастьем.

Представляю себе, какую песню сочинил бы Галич — о советском критике, который чуть только высунул из решетки носик, и уже рассуждает, что с трудом доставшаяся свобода лучше дарованной. Как раз для Галича тема...

Милые мои сверстники, это вы покупаете маленькую книжечку Галича за четвертной? Как мы пели с вами эти песни тогда, в другой жизни... Смеясь и страдая, понимая и любя друг друга, сострадая друг другу и жалея, в душе оплакивая бессмысленно проходящие годы — свои, всех прекрасных, кого различал взгляд вблизи и вдали.

Помните ли Клима Петровича, который добивался присвоения своему цеху звания «коммунистического труда»? А цех-то выпускал колючую проволоку, причем, работал «на весь наш

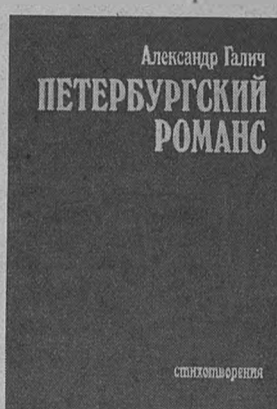
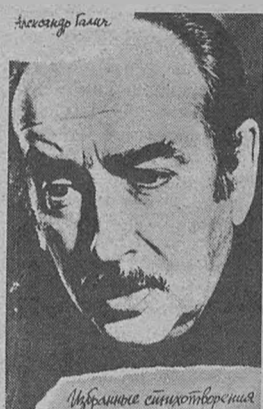
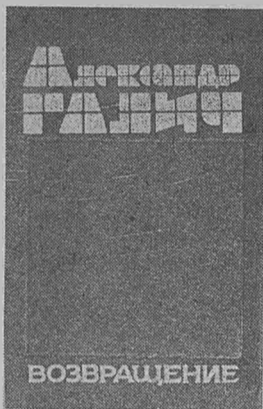
Из дневника читателя

нарисовать математический значок: ∞.

И не надо. Не надо «поименно вспоминать всех». Вот помню я, например, фамилию «Кривошеев». Собственный корреспондент «Известий». «Неправильно оценил события в Чехословакии». Жестоко за это поплатился. Я никогда за двадцать с лишним лет не забывала фамилию «Кривошеев», с того самого 21 августа 1968 года. Хотя мы не знакомы, никогда не виделись. И никогда не увидимся. И я никогда не забуду эту фамилию — «Кривошеев». Потому

Татьяна ИВАНОВА

ВОСПОМИНАНИЯ

О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ

соцлагерь» и продукцию давал «на отлично». И Клима Петровича все уговаривали в обкоме, чтобы он «не совался».

Мало, что ли, пресса ихняя треплет
Все, что делается в нашем доме.
Снаешь — дремлет
Пентагон?
Нет, не дремлет!
Он не дремлет, мать его,
он на стреме!

Смеемся и страдаем... Подпольные песенки Галича говорили о том, о чем мы думали. Он был голосом безгласых.

Мы сейчас перебираем эти голоса, как Гобсек свои сокровища, как дама бриллианты в шкатулке. Вон у нас сколько их — умных, решавшихся, храбрых, бесстрашных, понимавших истину и шедших ради нее на страдания. Да и сами мы ничего плохого не делали, жили честно, начальники пусть каются, так сказать, руководители партии и правительства.

Но сколько же было у нас храбрых?.. Да считанные по пальцам единицы. А сами мы?.. Да горюшко мы горькое, вот мы кто.

Мы не забудем этот смех
И эту скуку!
Мы поименно вспомним всех,
кто поднял руку!
Это Галич вспоминал, как разделялись с Пастернаком товарищи по Союзу писателей. Сейчас эти строчки часто и охотно цитируют. Еще бы! Пришло, наконец, время. Опубликована стенограмма. И всем известно, кто как выступал.

Но в стихах не о том. В стихах о том, что мы — поименно — вспомним всех — кто поднял руку. Не тех, повторяю, кто выступал. А тех, кто поднял руку.

Это не более чем поэтический образ, метафора, троп. Никогда мы не вспомним поименно всех, кто поднял руку, — ведь вспоминать придется не только то собрание, но и дикую прорву других, причем одно другого трагичнее. Списки «поднявших руку» будут бесконечны. Можно просто

тогда он сказал, решил сказать то, что думала я и мне подобные.

Но для чего людям «поименно» вспоминать меня и десятки мне подобных журналистов, которые, в отличие от Кривошеева, из трусости, бессилия, конформизма думали, как он, а делали то, что было нужно начальству? В нашей редакции все думали, как Кривошеев, но решившихся сказать — не было.

Как сладко поются, как волнуют слова «мы поименно вспомним всех»...

А скажите мне, кого мы будем вспоминать «поименно» через некоторое время, когда, например, нынешние литовские события станут воспоминанием?

Я познакомлю вас с очень коротким стихотворением. Его написал не известный мне М. Бродский. Оно опубликовано в газете «Согласие», издающейся «Саудисом». (Сообщаю в скобках, что в подлинке на литовские и эстонские газеты на почте мне отказали). Вот оно:

Литовцы все не реалисты,
Сепаратисты, экстремисты,
Сплотные националисты
И правят ими саудисты!
У них сознание не в норме,
И все они не правы в корне,
Правы в Литве лишь те,
кто в форме,
И коммунисты на платформе!

Забавное произведение, правда? Автор посвятил его программе «Время». А мог бы посвятить и любой нашей газете. В этих девяти строках сконцентрирована практически вся информация из Литвы, которую мы получаем через свои средства массовой информации. И в них же, в этих девяти строках, заключена и публицистическая мысль, кочующая из одного средства в другое. Никакие иные мысли при всем нашем плюрализме нигде не кочуют.

Так кого же мы будем поименно вспоминать через некоторое время? Не придется ли нам друг дружку перечислять до морковкина заговенья?..

Кто же покупает за четвертной изящную книжку Галича? Только ли мои сверстники ради воспоминаний? Или их дети — ради злости дня, потому что слишком многое у нас осталось, как было, и Галич не перестал быть острым, крамольным?

Я когда-то высмеяла стихи Марины Кудимовой. Встречая потом ее подборки в разных изданиях, иногда думала, что была права, иные стихи мне нравились, и я жалела, что когда-то ее обидела, а иные очень нравились, и я думала, что надо бы перед нею повиниться. Но недавно в «Литературной Грузии» опубликовано такое стихотворение Марины Кудимовой, что сейчас я перепису его для вас собственной рукой:

Почему заслонилась руками,
сестра?
Что, Мтацминда изверглась,
вскипела Кура?
Так откуда брюлловская поза?
Это сын мой лопатку занес
над тобой!

Но самая солидная, самая увесистая книжка в твердой обложке издана в Ленинграде «Художественной литературой». Правда, тираж ее всего 25 тысяч. Читаю: «Издание осуществлено по заказу партийного комитета Производственного объединения «Ижорский завод». Составитель книги Александр Шаталов пишет в предисловии, что сборник уникален. «Не в том смысле, что он включает в себя всего Галича, а что адресован прежде всего ленинградцам, людям, которых он всегда любил, городу, с которым связаны многие счастливые минуты».

Мальчишки были безусы —
Прапоры да корнеты.
Мальчишки были безумны,
К чему им мои советы?
Лечиться бы им, лечиться,
На кислые ездить воды —
Они ж по ночам: «Отчизна!
Тираны! Заря свободы!».

Как он пел свои необыкновенные песни, Галич, негромким голосом, — и как слышали его во всех концах страны... Нет, эти песни, увы, не стареют:

И все так же, не прощя,
Век наш пробует нас —
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?
В ожиданье полни —
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!

Дата под этим произведением — 22 августа 1968 года. Следующий день после ввода войск в Чехословакию.

Мысленно переберем последующие даты, по сути подобные той, теперь уже давней. Ближе к нашим дням, ближе... Теперь уже почти не надо напрягать память...

Так здравствуй же вечно,
премудрость холопья,
Премудрость мычать,
и жевать, и внимать...
...А танки идут
по вацлавской брусчатке,
И наш бронепоезд стоит
у Градчан!..

На севере и на юге —
Над ржавой землей дым,
А я умываю руки!
А ты умываешь руки!
А он умывает руки,
Спасая свой жалкий Рим!
И нечего притворяться —
Мы ведаем, что творим.
...И сказал мой черт:

«Ну как, старина?
Ну, как же мы порешим?
Подпишем союз, и айда
в стреме!»

И еще чуток погрешим!
И ты можешь лгать,
и можешь блудить,
И друзей предавать гуртом!
А то, что придется потом
платить,
Так ведь это ж, пойми,
потом!..

И ты поймешь, что нет
над тобой суда,
Нет проклятия прошлых лет,
Когда вместе со всеми
ты снаешь: «Да!»
И вместе со всеми: «Нет!».

Так всегда искушал человека нечистый. Так же искушает и сейчас. Но он лжет, он подло лжет, и мы-то, как никто, это знаем. Есть проклятие прошлых лет — оно тяжело. Когда сегодня вслед молодым и ни в чем не повинным несется «окупанты, убирайтесь вон» — это проклятие прошлых лет. И чтобы сберечь от него детей (разве есть у нас что-то дороже?), надо бы в прошлых грехах от души покаяться и больше не слушать подлые, искушающие речи нечистого. Если сегодня мы впадаем в грех, то не только себе создаем ад, но и предаем детей.

Нельзя давить и душить ничью свободу. Этому учили нас всегда все без единого исключения наши лучшие соотечественники, все до одного — все, кого мы помним поименно.

За чужую печаль
И за чье-то незваное детство
Нам воздастся огнем и мечом
И позором вранья.
Возрастается боль,
Потому что ей некуда
даться...

...Занавес над трагедией в Куропатах приподнят. Там, в нашу землю, зарыты тысячи поляков — цвет польской интеллигенции. Нами замученных, нами расстрелянных. Нами, а не фашистами... Осталось поднять занавес до конца, до самого верха и рассказать, каким образом и почему цвет польской интеллигенции оказался в наших лагерях и тюрьмах.

...Нам так хочется, чтобы нас любили. Но дьявол внушил нам когда-то, что любить можно заставить и силой. И никак мы не избавимся от этой коварной лжи. Без конца порождающей самую разнообразную, самую погубительную для нас самих ложь, ложь...